

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТОПОНИМОВ И ЭТНОНИМОВ «КАЛМАК» НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

И.И. Дремов

Областной центр экологии, краеведения и туризма, Саратов, Россия
iid57@yandex.ru

Аннотация. В ономастиконе Руси XVI в. и в топонимике Поволжья, Южного Урала, Казахстана нередко встречаются монгольские корни, а также имена и названия «Калмак». В составе родов, имен и географических названий Южного Урала, Юго-Западной Сибири, Казахстана и Поволжья имеют широкое распространение онимы с корнем «Калмак» и названия монгольского происхождения. Приводятся источники, в которых свидетельства о калмаках в Поволжье и восточнее Волги предшествуют появлению здесь ойрат-калмаков в XVII–XVIII вв. Имеются многочисленные упоминания о калмаках к востоку от Волги предшествующего времени в источниках XV–XVI вв. Есть основания считать, что потомки Золотой Орды – калмаки сохраняли монгольские традиции, языческую религию и, возможно, язык. Язычники калмаки могли сохраняться вдали от столичных центров и оставить свой след в топонимии и этнонимии Башкортостана.

Ключевые слова: калмаки, ойраты монголы, топонимы, антропонимы, этнонимы, Урал, Поволжье, XV–XVI вв.

В этническом составе основных групп башкирского народа, описанном и изученном Р.Г. Кузеевым, есть крупное объединение «калмак», в состав которого входят родовые подразделения кара-калмак и аюка-калмак¹. Родовые подразделения «калмак» имеются также почти во всех крупных племенных объединениях:

- юрматы – в составе родов тальтим, татигас;
- бурзяты – в составе родов бурзян, мунаш, ногай бурзян, ямаш, янсары, янса;
- усерган, муйетен – в составе родов сураш, усерган;
- тангаур, тунгаур, дунгаур – в роде тунгаур;
- тамьян – в родах башай, куян, мулют, мясагут;
- кыпсак – в родах ак-кыпсак, бушман-суун-кыпсак, кара-кыпсак, карагай-кыпсак, кыпсак, сэнкем-кыпсак;
- ай, айле – в родах каратавлы, табынмазар, сарт-айле, ай, айле;
- кудей – в роде шайтан-кудей;
- дуван – в роде дуван;

Дремов Игорь Иванович – кандидат исторических наук, археолог областного центра экологии, краеведения и туризма Саратовской области.

¹ Кузеев 1974.

- кокшсы;
- сызгы, сыскы;
- упей;
- катай – в родах инзер-катай, узгун-катай, бала-катай, улу-катай, кара-катай, ялан-катай;
- сынрян – в родах аю-сынрян, кидрас, сынрян;
- группа башкирских казаков;
- табын – в родах барын, кара-табын, дуван-табын, юмран-табын, кесе-табын, кальсер-табын, сарт-табын, кара-табын, табын;
- кувакан – в роде тубэляс-кувакан;
- мин – в роде азнай-иль-куль-мин, азнай-мин, кункас-иль-куль-мин, кункас-мин, кырк-уйле-мин, мин, минляр;
- балыксы².

Характерно, что рода и подразделения «калмак» отсутствуют как у всех северо-западных, так и у иргиз-камеликских башкир, которые должны были территориально больше контактировать с ойрат-калмаками и волжскими калмыками. Следы этих контактов сохранились у головного рода калмак с подразделениями аюка-калмак и кара-калмак (так называли тюрки джунгаров). В то же время в составе родов башкир сохранились названия и более древних монгольских родов. В группе табын присутствуют, кроме «калмак», род барын (древнемонгольский род по Грумм-Гржимайло)³ и подразделения миркит и монгол. Группа мин также включает подразделение миркит, производное от меркитов, разгромленных Чингисханом и рассеянных среди разных народов. Род меркит есть также в составе родов теленгитов и бурятов на Алтае, то есть сравнительно близко с местом их изначального проживания. Характерно, что род барын, который Рашид а-Дин поместил в раздел тюрко-монгольских племен⁴, в составе родов волжских калмыков отсутствует. Следовательно, род барын и его подразделения меркит и монгол могли попасть в состав башкиров до начала миграции ойратских племен на запад. В то же время племя барын входит в состав киргизов вместе с племенами кытай и найман, происходящих с территорий проживания ойратов на северо-западе Китая и в Семиречье.

Не так однозначен и вопрос о времени появления топонимов с названием «Калмак». В бассейне р. Сакмара М.Г. Усманова выделила ряд пунктов с названием Калмак: «*Калмак ятыуы* ‘пойма калмаков’; *Калмак узэге* ‘речка калмаков’; *Калмак карауылы* ‘сторожевая калмаков’; *Калмак кунган йылгакы* ‘речка, возле которой заночевали калмаки’ – ручей, прав. приток Короюл в дер. Кызыльяр Зианчуринского района; *Калмак яткан йылга* букв. ‘речка, возле которой находились калмаки’ в дер. Куватово; *Калмак* ‘Калмак’ – рч., прав. пр. Степного Зилаира; *Калмак кырылган* ‘Калмак кырылган’ – местность в дер. Юмашево Баймакского; *Калмак яткан йылгакы* – рч., прав. пр. Сакмара; *Калмак колаган* букв. ‘речка, в которую провалился калмак’ – р., прав. пр. Балгошло в дер. Ишбулды Зилаирского район Башкирии. В материалах архивных документов на территории Сакмарского бассейна зафиксированы бывшие населенные пункты *Калмак*,

² Кузеев 1974.

³ Грумм-Гржимайло 1926, 501.

⁴ Рашид-ад-Дин 1952, 187.

Большой Калмак при рч. *Большой Калмак*, *Калмакова*, *Калмакский*; гидронимы *Малый Калмак*, *Малый Калмацкий*⁵. Кроме того, в топонимике бассейна р. Сакмара встречаются монголизмы, происхождение которых М.Г. Усманова объясняет не прямым участием монгольских групп, а опосредованно через культурное влияние⁶. Наибольшая концентрация монголизмов выделяется исследователем топонимии бассейна реки Демы Р.З. Шакуровым на северо-востоке Башкирии⁷. Наличие в Башкирии значительного пласта монголизмов в топонимике и этнопонимов «Калмак» может свидетельствовать о продолжительном взаимодействии предков башкир с монголами или о длительном присутствии монголов или калмаков на данной территории.

Естественно объяснять происхождение подобных онимов взаимодействием местных народов с ойрат-калмыками после начала XVII в., когда ойраты начали свое продвижение на запад. Но в одном из башкирских шежере сообщается, что после завоевания Иваном Грозным Казани земли ногаев, «посоветовавшись и отмерив, отделили, в упомянутом городе Казани и закрепили в книге» за башкирскими племенами Тунгэк и Усерган. Тогда же были расписаны их границы между Яиком и Сакмарой, которые проходят, в том числе, и по верховьям р. **Калмак**⁸. Следовательно, топоним существовал уже до 1552 г. Это не нонсенс, если учесть, что в списке опричников Ивана Грозного 1572 г. значится имя Калмак⁹ и что в грамоте Ивана Грозного уральским предпринимателям – братьям Строгановым предписывалось торговать с бухарцами и калмаками¹⁰.

Имя или прозвище «Калмак» было распространено в русских княжествах XVI в. у разных слоев населения, включая духовенство и дворянство. В «Ономастиконе» академика С.Б. Веселовского значатся: «Калмак, поп, 1545 г., Новгород; Калмак Власьев, помещик, 1568 г., Ярославль; Федор Иванович Колмак Овцын, XVI в.; Петр и Исаак Колмаковы, 1564 г., Олонец; Колмак и Неустрой Борисовичи Обрютины, 1568 г., Ярославль; Колмак и Домачной (Домачний) Михайловичи Васьковы, 1568 г., Ярославль»¹¹. Этот список можно продолжить¹².

Обычно это несоответствие между временем появления имени «Калмак» / «Колмак» и началом миграции на запад ойрат-калмаков объясняется финно-угорской основой от «колма» «троичность», «третьяк» – третий сын в семье. Примером не финно-угорского происхождения имени «Калмак» являются имена крымских послов в Москву и русских послов в Крым: «1559 год..., приехали ко царю и великому князю..., два крымца, Сар да **Колмак**...»¹³. Через 10 лет в 1569 г. уже из Москвы в Кафу (Феодосию) были посланы рязанские казаки **Колмак** и Ширяй, причем выбор пал на них потому, что они хорошо знали и эти края, и дорогу туда¹⁴. В писцовой книге конца XVI в. Тверской губернии упоминается Колмак

⁵ Усманова 1994, 75.

⁶ Усманова 1994, 135–137.

⁷ Шакуров 1986, 71–72.

⁸ Кузеев 1960, 65.

⁹ Список опричников 2003, 37.

¹⁰ Цепков 2008, 54.

¹¹ Веселовский 1974, 95.

¹² Дремов 2014, 129–131.

¹³ Барсов 1895, 117.

¹⁴ Садиков 1947, 154–160; Прокофьев 1988, 168.

Иванов сын Старкова, который никому не служит – ни царю, ни князю¹⁵. Также Колмак Иванов сын Старкова фигурирует в «Отписке Великаго князя Симеона Бекбулатовича о посылке им по государеву указу детей боярских Тверитян и Новоторжцев на службу в Великий Новгород, с приложением списка их»¹⁶. В этом документе упомянут **Колмак Иванов сын Старков**, а через несколько строк **Третьяк Иванов сын Старков**. Судя по отчеству и фамилии, это братья, которые находятся в разных разрядах, причем Колмак имеет более высокий статус, чем Третьяк. Так как Колмак в данном случае не может быть «третьяком» – третьим сыном, более вероятно, что его имя тюрко-монгольского происхождения.

В русских и западноевропейских источниках второй половины XV–XVI вв. имеется значительное количество разрозненных упоминаний о калмаках заволжских и казахстанских степей, которые сложно объяснить лишь эпизодическими продвижениями ойратов далеко на запад. В Лихачевском летописце (ок. 1488 г.) говорится, что в стоянии на реке Угре в 1480 г. вместе с татарами принимали участие и калмаки: «...со царем братаничь его царь Касим, да 6 сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними, и *колмаки*, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел»¹⁷. Затем на протяжении всего XVI в. встречаются упоминания о борьбе ногаев с калмаками на Яике и Эмбе и даже о пленении в 1560 г. астраханскими стрельцами «калматских людей многих» в районе Сарайчука (в низовьях Яика). Европейцы также знали от русских о калмаках, упоминали о них в географических трудах и помещали к востоку от Волги на картах XVI в., а фразмауро в 1459 г. отметил на реке Итиль, севернее сближения Волги с Доном, город или поселение «Calmuzi sara»¹⁸.

В конце XVI в. казахский хан Таукель (Тевекель русских источников) назывался ханом казахов и калмаков. В документе говорится, что казахи и калмаки «кочуют все поблиску и все в соединенье»¹⁹. О том же свидетельствует «Книга Большому Чертежу»: «...промеж рек Кендирлик (Кенгир), Сурсы (Сарысу) *Казачья Орда да Калмыки*»²⁰, хотя источники не оставляют сомнений, что ойрат-калмаки в конце XVI в. кочевали значительно восточнее Иртыша, лишь доходя до его верховий, а казахи – к западу от Иртыша. О подчинении казахам основных улусов, составлявших союз ойратов, исторические свидетельства отсутствуют, но известно, что во второй половине XVI в. отряды калмаков были на службе в войсках сибирских, узбекских и казахских ханов, то есть вели независимый от ойратского союза «казачий» образ жизни.

Следует вывод, что во второй половине XV – начале XVI в. калмаки кочевали к востоку от Волги и находились в тесных отношениях с соседними тюркоязычными народами – мангытами-ногаями, башкирами, казахами, узбеками, каракалпаками и др. Тема существования не известной ранее группы кочевников на пост-золотоордынском пространстве, которую соседние народы называли калмаками, является относительно новой²¹. Принципиальные возражения этой гипотезе мне

¹⁵ Писцовые книги 1877, 88.

¹⁶ Попов 1890, 55.

¹⁷ Покровская 1975, 28–32.

¹⁸ Дремов 2014, 80–91.

¹⁹ Юдин 1969, 129–131.

²⁰ Макшеев 1880, 130.

²¹ Дремов 2012, 278–282.

не известны. Имеются два подхода к решению вопроса о культурной и языковой принадлежности калмаков Дешт-и-Кыпчака. Ж.М. Сабитов отрицает возможность монголоязычности постзолотоордынских калмаков и считает их тюркоязычными наследниками Золотой Орды, не принявшими ислам²². Возможность такого подхода нельзя исключать, но другой тезис автора об идентичности калмаков и каракалпаков не находит подтверждений и лишает аргументации основного вопроса²³. С.К. Хойт считает калмаков Дешт-и-Кыпчака потомками монголов, сохранившими древние традиции²⁴.

Прямых указаний на этническую принадлежность калмаков Дешт-и-Кыпчака источники не содержат. Имеются некоторые косвенные подтверждения их принадлежности к монгольской культуре. Источники единодушно повествуют о язычестве калмаков и отмечают их особую прическу. Наличие длинных волос, отличающих калмаков от бритоголовых татар мусульман, – это важная этническая особенность, имеющая монгольское происхождение²⁵. Различие между «правильной», с точки зрения приверженцев ислама, прической и монгольской косой имело для мусульман столь важное значение, что «в разгар тюркизации и исламизации в Средней Азии в XV в. монгольские ханы насильно заставляли своих монголов срезать длинные волосы и носить чалму. Непослушным вбивали в голову гвозди»²⁶. Поэтому неслучайно все европейцы, сообщавшие о калмаках, живущих к востоку от Волги, отмечали, что они, в отличие от татар, носят длинные волосы. Это вопрос не моды, а принципиального следования традиционной монгольской культуре.

Кроме того, Утемиш-хаджи в первой половине XVI в. рассказывал о специфическом бурном выражении траура на монгольском языке и в соответствии с монгольским обычаем у калмаков Сары-Арки при хане Узбеке, подытоживая: «и поныне существует еще тот обычай среди них в Улуг-Таге (Улытау)»²⁷. У мусульман запрещаются громкие и бурные проявления траура. Следовательно, в начале XVI в. в Улытау в Центральном Казахстане сохранялись носители монгольского языка и традиций, как и во времена Узбека.

На монгольскую основу калмаков Сары-Арки может указывать «Шаджарат ал-атрак» середины XVI в. Там объясняется, как произошло отуречивание кочевых узбеков. Согласно «Шаджарат ал-атрак», после того, как узбеки отделились от калмаков и переселились в Туркестан, спустя некоторое время в их состав вошли и проживавшие там народы тюркского происхождения²⁸. Калмаки же, следовательно, остались при своей религии и языке. В связи с этим В.В. Бартольд отмечал, что предки узбеков, как и части казахов, изначально, до принятия ими ислама, были монголоязычны²⁹.

Подтверждением того, что монгольский язык в Средней Азии был в ходу в конце XV в. и позже, является рукопись словаря «Мукаддимат ал-Адаб» с мон-

²² Сабитов 2014, 134–143.

²³ Дремов, Семенова 2015, 73–82.

²⁴ Хойт, 2015, 14, 101.

²⁵ Дремов 2014а, 80–91.

²⁶ Бартольд 2002, 191.

²⁷ Утемиш-хаджи 1992, 105.

²⁸ Семенов 1954, 3–37.

²⁹ Бартольд 2002, 275.

гольским переводом, хранящаяся в бухарской библиотеке. Рукопись переписана в 1492 г. Н.Н. Поппе во введении к «Мукаддимат ал-Адаб» отмечал, что само существование этого монголо-тюркского словаря свидетельствует, что еще в конце XV в. монгольский язык в Средней Азии продолжал сохранять некоторое значение, иначе бы данный словарь не переписывали. Этим словарем еще пользовались при узбекском Абдулла-хане во второй половине XVI в., когда он был завещан и передан в библиотеку³⁰.

Может вызывать сомнения сама возможность длительного сохранения монгольских корней в тюркоязычной среде, но некоторые исторические подтверждения этому имеются. Примером консервации языка и культуры в турецкой мусульманской среде при сохранении религиозных обычаев являются казаки-некрасовцы, которые жили в турецком окружении свыше 200 лет: с 1708 по 1920-е гг., при этом более тысячи некрасовцев вернулись в Россию лишь в 1962-63 гг. За 250 с лишним лет они сохранили культурную самоидентификацию в полном объеме – быт, фольклор, язык и религию³¹. Очевидно, у потомков кочевников монголов Чингизхана и Бату, завоевавших Дешт-и-Кыпчак, возможности для сохранения культуры и языческих верований на окраинах ханских владений были не хуже, чем у донских казаков в турецкой среде.

В Афганистане и Иране уцелела большая этническая группа монгольского происхождения – хазарейцы. Они называют себя «хазара» – от персидского «тысяча». Хазарейцы – потомки Никудерийской Орды (по имени старшего эмира джучидов Никудер). Из трудов Рашид ад-Дина известно, что Никудерийская орда возникла не из чагатайских, а из джучидских отрядов Бату и Орды, находившихся в армии Хулагу³². Современные исследования ДНК подтверждают монгольское происхождение хазарейцев и указывают на связь с населением Дешт-и-Кыпчака, рекрутированным в Иранский поход Хулагу от восточного крыла улуса Джучи³³. Современные хазарейцы говорят на хазараги, являющимся восточным диалектом персидского языка с большой долей монгольских и тюркских слов. Каким был их язык 300-400 лет назад, неизвестно.

В предгорьях Дагестана живут потомки монголов – кайтаки, которые также к настоящему времени утратили монгольский язык, говорят на языке кавказской языковой группы, считают себя исконными мусульманами, и даже в их преданиях не встречается сведений о монгольском происхождении. Но до середины XVII в. их язык сохранял монгольские корни, и было известно, что кайтаки – потомки монголов. В.В. Бартольд отмечал, что первые упоминания о них встречаются в трудах Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Йезди – современников борьбы Тимура (Тамерлана) с Тохтамышем в 1395 г. Отмечается, что кайтаки воевали на стороне золотоордынского хана Тохтамышша и были язычниками (люди «без веры» или «с дурной верой»). Спустя столетие И. Барбаро сообщал, что кайтаки – христиане греческого, армянского и католического вероисповедания. В середине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби привел слова кайтакского языка, среди которых выделяется значительная группа монгольских названий. Он писал

³⁰ Поппе 1938, 275.

³¹ Тумилевич 1961.

³² Сабитов 2010.

³³ Сабитов 2010, 81–82.

о кайтаках: «По происхождению они монголы, пришедшие из области Махан(?); сами они турки, говорят по-монгольски»³⁴.

При Чингисхане родовые связи были во многом нарушены, произошло этническое смешение. Не могли этого избежать и потомки тех монголов-завоевателей XIII в., которые сохранили свою аутентичность в Улусе Джучи. Тем не менее, калмаки Дешт-и-Кыпчака могли иметь корни и в ойратской среде, так как, согласно «Сокровенному сказанию монголов», ойраты были отданы в подчинение Джучи и были в его войске³⁵. В отличие от хазарейцев и кайтаков, калмаки сохраняли свой традиционный образ жизни. Между кочевниками калмаками Дешт-и-Кыпчака и ойрат-калмаками могли поддерживаться контакты, что должно было способствовать сохранению их этнической самоидентификации и культурных традиций. Нельзя исключать и возможность существования монгольского языка, а тем более двуязычия калмаков в тюрко-мусульманской среде в течение нескольких столетий. В связи с этим распространение онима «Калмак» и многочисленных монголизмов на территории Поволжья, Урала, Казахстана, Северного Кавказа и Крыма может быть не только результатом продвижения сюда ойратов в XVII–XVIII вв. и наследием времен монгольского завоевания конца XII – начала XIII в., но и свидетельством проживания здесь калмаков – потомков золотоордынских монголов, сохранявших монгольские культурные и языковые традиции.

В Башкирии онимы монгольского происхождения появились в период монгольского завоевания при Чингисхане и его наследниках в XII–XIII вв. и в эпоху Золотой Орды в XIV в. В это время монгольский компонент мог присутствовать в среде местного населения и иметь самостоятельные поселения, что подтверждается наличием золотоордынских поселений и могильников в Башкирии и крупным городищем Абисово в 42 км от Уфы. К этому времени могут относиться топонимы с монгольскими корнями и возникновение родовых подразделений миркит, барын, монгол. В XV–XVI вв. на постзолотоордынском пространстве монгольские традиции, религия и, в той или иной степени, монгольский язык сохранялись среди калмаков, что устанавливается из отдельных упоминаний в письменных источниках. Язычники калмаки могли сохраняться вдали от столичных центров и оставить свой след в топонимии и этнонимии Южного Урала. К этому времени, судя по шежере, относится название р. Калмак (приток р. Сакмара) и, вероятно, Калмак карауылы (сторожевая калмаков) и Калмак-кырылган (место гибели или захоронений калмаков). После продвижения ойратов в Южную Сибирь, Урал и Поволжье в XVII–XVIII вв. ойрат-калмаки имели кочевья на Южном Урале. Часть топонимов с названием «калмак» могут быть наследием этого времени, о чем говорится в некоторых шежере и о чем свидетельствуют этнонимы аюка-калмак и кара-калмак.

ЛИТЕРАТУРА

Альшиц, Д.Н. 2003: *Список опричников Ивана Грозного*. СПб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kdkv.narod.ru/Opr1573/Opr-1573-Spis.html>

³⁴ Бартольд 2002, 371.

³⁵ Дарваев 1990, 209–210.

- Барсов, Е.В. (ред.) 1895: *Летописец Русский (Московская летопись)*. В кн.: *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских*. Кн. 3. М.
- Бартольд, В.В. 2002: *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.
- Веселовский, С.Б. 1974: *Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии*. М.
- Грумм-Гржимайло, Г.Е. 1926: *Западная Монголия и Урянхайский край*: в 3-х т. Т. II. Л.
- Дарваев, П.А. (ред.) 1990: *Сокровенное сказание монголов. Анонимная монгольская хроника 1240 года*. Элиста.
- Дремов, И.И. 2012: Калмаки степей Казахстана XIV–XVI веков. В сб.: А.А. Бесембаев (ред.), *Кадырбаевские чтения-2012. Материалы III Международной научной конференции*. Актобе, 278–282.
- Дремов, И.И. 2014: Калмаки и средневековая Русь. *Древняя Русь* 3, 129–137.
- Дремов, И.И. 2014а: Длинноволосые калмаки. *Этнографическое обозрение* 6, 80–91.
- Дремов, И.И., Семенова, И.В. 2015: Казахи и калмаки Улытау в постзолотоордынское время. В кн.: А.Р. Хазбулатов (ред.), *Национально-освободительная борьба казахского народа. Булантинская битва*. Астана, 73–82.
- Калачов, Н.В. 1877: *Писцовые книги XVI века*. Отдел. II. СПб.
- Кузеев, Р.Г. 1960: *Башкирские шежере*. Уфа.
- Кузеев, Р.Г. 1974: *Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения*. М.
- Макшеев, А.И. 1880: Географические сведения Книги Большому Чертежу о киргизских степях и Туркестанском крае. *Записки Русского географического общества по отделению этнографии* 6, 110–141. Покровская, В.Ф. 1975: Летописный свод 1488 г. из собрания Н.И. Лихачева. В кн.: К.Н. Сербина (ред.), *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник*. М., 28–32.
- Попов, Н.А. (ред.) 1890: Отписка Великого князя Симеона Бекбулатовича о посылке им по государеву указу детей боярских Тверитян и Новоторжцев на службу в Великий Новгород, с приложением списка их. В кн. Н.А. Попов (ред.), *Акты Московского государства, изданные императорскою академиею наук*. Т. 1. СПб, 52–57.
- Поппе, Н.Н. 1938: *Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб*. Ч. I–II. М.–Л.
- Прокофьев, Н.И., Алехина, Л.И. (ред.) 1988: Посольство Ивана Новосильцева в Турцию. Комментарии. В кн.: Н.И. Прокофьев, Л.И. Алехина (ред.), *Записки русских путешественников XVI–XVII вв.* М.
- Рашид-ад-Дин 1952: *Сборник летописей*. Т.1. М.–Л.
- Сабитов, Ж.М. 2010: Происхождение хазарейцев с точки зрения ДНК-генеалогии. *The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия)* 1. Вып. 2, 27–39.
- Сабитов, Ж.М. 2014: Калмаки восточного Дашт-и Кыпчака в XIV–XVI вв. *Global-Turk* 3,4, 134–143.
- Садиков, П.А. 1947: Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. / Приложение 1. «Речи» Семена Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань. *Исторические записки* 22, 154–160.
- Семенов, А.А. 1954: К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. В кн.: *Труды Института истории, антропологии и этнографии АН ТаджССР*. Т. XII. Сталинабад, 3–37.
- Тумилевич, Ф.В. 1961: *Сказки и предания казаков-некрасовцев*. Ростов-на-Дону.
- Усманова, М.Г. 1994: *Имя отчей земли: Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмара*. Уфа.
- Утемиш-хаджи 1992: *Чингиз-наме*. Алма-Ата.
- Хойт, С.К. 2015: *Этническая история ойратских групп*. Элиста.
- Цепков, А.И. (ред.) 2008: *Сибирские летописи*. Рязань.

Шакуров, Р.З. 1986: *По следам географических названий*. Уфа.
 Юдин, В.П. (ред.) 1969: *Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений)*. Алма-Ата.

REFERENCES

- Alshits D.N. 2003: *Spisok oprichnikov Ivana Groznogo [List of Oprichnik's of Ivan the Terrible]*. Saint Petersburg. <http://kdkv.narod.ru/Opr1573/Opr-1573-Spis.html>
- Barsov, E.V. (red.) 1895: *Letopisets Russkiy (Moskovskaya letopis') [The Russian chronicle (the Muscovite Chronicle)]*. In: *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh [Reading in the Imperial Society of History and Antiquities of the Russia]*. 3. Moscow.
- Bartold, V.V. 2002: *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov [Works on the history and Philology of Turkic and Mongol peoples]*. Moscow.
- Veselovskiy, S.B. 1974: *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii [Onomasticon: Old-Russian names, nicknames and surnames]*. Moscow.
- Grumm-Grzhimaylo, G.E. 1926: *Zapadnaya Mongoliya i Uryanhayskiy kray [Western Mongolia and Urjanhaj Territory]*: in 3 v. V. II. Leningrad.
- Darvaev, P.A. (red.) 1990: *Sokrovennoe skazanie mongolov. Anonimnaya mongol'skaya khronika 1240 goda [Secret Mongol legend. Anonymous Chronicles of Mongolian from the year 1240]*. Elista.
- Dremov, I.I. 2012: *Kalmaki stepey Kazakhstana XIV–XVI vekov [The Kalmaks in Kazakhstan steppe of the 14th–16th centuries]*. In: A.A. Besembaev (red.), *Kadyrbaevskie chteniya 2012. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Kadyrbaev Readings in 2012. Materials of IIIrd International Scientific Conference]*. Aktope, 278–282.
- Dremov, I.I. 2014: *Kalmaki Desht-i-Kipchaka XV–XVI vv. i srednevekovaya Rus' [The Kalmaks of Desht-I-Kypchak in 15th–16th centuries and medieval Russia]*. *Drevnyaya Rus' [Journal of Ancient Russia]* 3, 129–137.
- Dremov, I.I. 2014 a: *Dlinnovolosye kalmaki [The Long-Haired Kalmaks]*. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]* 6, 80–91.
- Dremov, I.I., Semyonova, I.V. 2015: *Kazakhi i kalmaki Ulytau v postzo-lotoordynskoe vremya [The Kazakhs and the Kalmaks in the Ulytau after the Golden Horde]*. In: A.R. Khazbulatov (red.), *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba kazakhskogo naroda. Bulantinskaya bitva [National liberation struggle of Kazakh people. Battle of Bulanty]*. Astana, 73–82.
- Kalachov, N.V. 1877: *Pistsovye knigi XVI veka [16th century Cadasters]*. Pt II. Saint Petersburg.
- Kuzeev, R.G. 1960: *Bashkirskie shezhere [Shezhere of the Bashkirs]*. Ufa.
- Kuzeev, R.G. 1974: *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya [The origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of resettlement]*. Moscow.
- Maksheev, A.I. 1880: *Geograficheskie svedeniya Knigi Bol'shomu Chertezhu o kirgizskikh stepyakh i Turkestanskom krae [Information about geography on the Kyrgyz steppes and Turkestan in the Book for Big Drawing]*. In: *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Note the Russian Geographical Society in the specialty of Ethnography]*. Vol. 6. Saint Petersburg, 110–141.
- Pokrovskaya, V.F. 1975: *Letopisnyy svod 1488 g. iz sobraniya N.I. Likhachyova [The 1488 Chronicle from the collection of N. Likhachev]*. In: K.N. Serbina (red.), *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik [Monuments of culture. Recent discoveries. Yearbook]*. Moscow, 28–32.
- Popov, N.A. (red.) 1890: *Otpiska Velikago knyazya Simeona Bekbulatovicha o posylke im po gosudarevu ukazu detey boyarskikh Tverityan i Novo-torzhtsev na sluzhbu v*

- Velikiy Novgorod, s prilozheniem spiska ikh [The message of the Grand Duke Simeon Bekbulatovichs about sending him men to Great Novgorod from the cities of Tver and Novotorzhsk for the service. With a list of these people]. In: N.A. Popov (red.), *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye imperatorskoy akademii nauk [Acts of the Moscow State. Edition of the Imperial Academy of Sciences]*. Vol. 1. Saint-Petersburg, 52–57.
- Poppe, N.N. 1938: *Mongol'skiy slovar' Mukaddimat al-Adab [Mongolian dictionary Mukaddimat al-Adab]*. Pt I–II. Moscow–Leningrad.
- Prokofyev, N.I., Alekhina, L.I. (red.) 1988: Posol'stvo Ivana Novosiltseva v Turtsiyu. Kommentarii [Ivan Novosiltsev embassy in Turkey. Comments]. In.: N.I. Prokofyev, L.I. Alekhina (red.), *Zapiski russkikh puteshestvennikov XVI–XVII vv.* [Notes by Russian travelers of the 16th–17th centuries]. Moscow.
- Sabitov, Zh.M. 2010: Proiskhozhdenie khazareytshev s tochki zreniya DNK-genealogii [The origin of the Khazars in terms of DNA-Genealogy]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy (Russian version)* 1. Vol. 2, 27–39.
- Sabitov, Zh.M. 2014: Kalmaki vostochnogo Dasht-i Kypchaka v XIV–XVI vv. [The Kalmaks of East Dasht-i Kypchak in the 14th–16th centuries]. *Global-Turk* 3,4, 134–143.
- Sadikov, P.A. 1947: Pokhod tatar i turok na Astrakhan' v 1569 g. / Prilozhenie 1. «Rechi» Semena Elizar'eva syna Mal'tseva o pokhode tatar i turok pod Astrakhan' [Trip to the Astrakhan Tatars and Turks in 1569/Application 1. «Speech» of Semyon Elizariyev Maltsev's son on the campaign of the Tatars and Turks under the Astrakhan]. *Istoricheskie zapiski [Journal of Historical notes]* 22, 154–160.
- Semenov, A.A. 1954: K voprosu o proiskhozhdenii i sostave uzbekov Shey-bani-hrana [To the question about the origin and composition of the Uzbeks of Shaybani Khan]. In: *Trudy Instituta istorii, antropologii i etno-grafii AN TadzhSSR [Transactions of the Institute of history, anthropology and ethnography AS TadzhSSR]* T. XII. Stalinabad, 3–37.
- Tumilevich, F.V. 1961: *Skazki i predaniya kazakov-nekrasovtsev [Tales and legends of Cossacks of nekrasov]*. Rostov-na-Donu.
- Usmanova, M.G. 1994: *Imya otchey zemli: Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie toponimii basseyna reki Sakmara [The name of the native land: Historical-linguistic study of toponyms of the Sakmara River basin]*. Ufa.
- Khoyt, S.K. 2015: *Etnicheskaya istoriya oyratskikh grupp [Ethnic history of ojrats groups]*. Elista.
- Tsepkov, A.I. (red.) 2008: *Sibirskie letopisi [Siberian Chronicles]*. Ryazan.
- Shakurov, R.Z. 1986: *Po sledam geograficheskikh nazvaniy [In the footsteps of geographical names]*. Ufa.
- Yudin, V.P. (red.) 1969: Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (Iz vlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy) [Materials of history of Kazakh Khanates in 15th – 18th centuries. (Extract from the Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata.

ORIGIN AND DISTRIBUTION OF TOPONYMS AND ETHNONYMS
«KALMAK» IN THE SOUTHERN URALS

Igor I. Dremov

Regional Centre of Ecology, the Study of Local Lore and Tourism, Saratov, Russia
iid57@yandex.ru

Abstract. Mongol roots as well as the name “Kalmak” are often met in the Russian onomastics of the 16th century and among toponyms of the Volga region, Southern Urals, South-Western

Siberia and Kazakhstan. There are widespread onyms with the “Kalmak” root and the names of Mongolian origin in tribe names and geographical names of the Southern Urals and in other territories. Mongol roots were quite common in Russian onomastics of the 16th century (in the toponyms of the Volga, Ural, Kazakhstan), as well as the names and titles “Kalmak”. The onyms with the root “Kalmak” and the names of mongolian origin are widespread in the composition of grammatical genders, names and geographical names of the southern Urals, South-Western Siberia, Kazakhstan and the Volga region. There are the sources in which the evidence of the Kalmaks in the Volga region and to the east from it preceded the appearance the Oirat-Kalmaks in the 15th –17th centuries. The sources of the 15th–16th centuries have numerous mentions of the Kalmaks of the previous time to the East from the Volga River. There is reason to believe that the descendants of the Golden Horde, the Kalmaks, preserved the Mongolian traditions, pagan religion and perhaps the language. The pagans Kalmaks could survive away from the Metropolitan centers and have left their trace in toponyms and ethnonyms of Bashkortostan.

Keywords: the Kalmaks, the Oirat, Mongolian, toponyms, anthroponyms, ethnonyms, Ural, Bashkortostan, the Volga region, the 15th–16th centuries
